

При осуществлении оккупантами нового административного раздела территории Брестчины представленное населению языково-этнографическое обоснование этого решения было скорее пропагандистским ходом. Конечно, немцев в первую очередь занимала экономическая сторона, т. е. именно военный фактор (экономическое обеспечение войск немецкой армии) практически определил все границы новых территориальных образований.

Таким образом, сформировавшаяся структура регионального управления включала 4 основных аспекта: 1) военные комиссары стояли во главе административно-территориальных единиц; 2) существовала властная вертикаль (принцип «фюрерства»); 3) комендатуры взаимодействовали с местными управами, возглавляемыми бургомистрами, старшинами, солтысами; 3) местные и военные комендатуры обеспечивали управление на Беларуси, разделенной на 5 частей. В деревнях, селах и хуторах немецкие военные структуры имели вспомогательную роль – здесь большую значимость имели руководимые ими представители местной белорусской коллаборации, избираемые в местную управу.

Несмотря на то, что местному населению оккупированных территорий были предоставлены функции местного самоуправления на уровне районов (поветов), городов, волостей (гмин), грамады и деревень, говорить о политической самостоятельности административно-территориальных образований и Беларуси в целом не представляется возможным, т.к. осуществление предоставленных местному населению функций администрирования находилось под контролем немецких военных комиссаров, начальников (шефов) районов (ортскомиссаров в должности зондерфюрера), волостей (сельхозфюрера) и при реализации принципа «фюрерства» (единовластия) в управлении захваченными территориями. Поэтому даже обозначенные в директивных решениях компетенции военных и гражданских органов не являлись гарантом самостоятельности, а лишь определяли степень и форму оккупационного управления в различных регионах Беларуси, в частности, на Брестчине.

Итак, как мы видим, план расчленения и децентрализации территории СССР, в частности Беларуси и в её составе Брестчины, разработанный в «Инструкции по отдельным областям» к директиве № 21 плана «Барбаросса» был реализован. Также нужно отметить, что оккупированные территории стали субъектами гражданских форм управления без учёта экономических, культурных и этнических особенностей и не приобретали статус самостоятельных субъектов политики фашистской Германии.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Беліца / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: М.В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1993. – Т.1. – 494 с.
2. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствознания, этнографии и фольклора, Беларус. сов. энцикл.; редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.] – Мн.: БелСЭ, 1990. – 424 с.
3. Административно-территориальное деление Беларуси / Архивы Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://archives.gov.by/index.php?id=989746>. – Дата доступа: 12.10.2010.
4. Козак, К.И. Административно-территориальный аспект германской оккупационной политики в Беларуси / К.И. Козак // Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР): материалы Межд. науч. конф., Минск, 24-25 апр. 2003 г. / Бел. гос. ун-т; ред. кол.: Я.Н. Толочко, А.П. Сальков (отв. ред.) [и др.] – Мн., 2004. – С. 152–157.
5. Раков, А. Население БССР. – Мн., 1969. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Брэста / А. Раков. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – 576 с.
6. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Брэст. раёна. – Мн.: БЕЛТА, 1998. – 574 с.
7. Сарычев, В. В поисках утраченного. Рейхскомиссариат «Украина» / В. Сарычев // Вечерний Брест. – 15 января 2010 г. – № 4 (1638). – С. 12.

Материал поступил в редакцию 15.06.12

IPATOVA O.V. Brestchina's administrative-territorial device during occupation

The regional governance structures of the Brest region during the Great Patriotic War included 4 main areas: 1) the military commissioners were at the head of the administrative-territorial units, and 2) the presence of the vertical of power (the principle of "fyrerstva"), and 3) interact with the local commandant's council, headed by mayors, elders, soltys, and 3) Local and military commandant provides control in Belarus, which is divided into 5 parts. In the villages of the German military authorities had a supporting role - is more important were led by representatives of the local Belarusian collaboration elected to the local council.

Despite the fact that the local population of the occupied territories were given the function of local government at the district level (povets), towns, townships (communes), gramado and villages, to talk about the political independence of the administrative-territorial formations and Belarus as a whole is not possible, so because implementation of the provision of local public administration functions were under the control of the German military commissioners, chiefs of districts, townships and in the implementation of the principle of "fyrerstva" in the management of the occupied territories.

The occupied territories have become subjects of civil forms of government without considering the economic, cultural and ethnic characteristics, and did not acquire the status of independent political entities of Nazi Germany.

УДК 94/99 (476. 6)

Карпович О.В.

БРЕСТ-ЛИТОВСК И БРЕСТСКИЙ УЕЗД В ПЕРИОД ВОССТАНИЙ 1831, 1863 ГГ.

Брестский уезд Гродненской губернии по своему географическому положению являлся пограничным регионом белорусской земли с Царством Польским. В связи с этим изучение повстанческого движения в данном регионе представляет особую научную значимость. К сожалению, ряд исследований современной отечественной историографии, посвященных восстаниям 1831 и 1863 гг. базируются на материалах российских исторических архивов и игнорируются данные соответствующих архивов Беларуси, что не позволяет с достоверной точностью выявить степень участия населения отдель-

ных регионов в восстаниях. В настоящей статье с акцентом на характер движущих сил проводится комплексное исследование событий восстаний 1831 и 1863 гг. по Брестскому уезду Гродненской губернии с привлечением новых, ранее не опубликованных данных. Статья основана на материалах НИАБ в Гродно и других источниках.

События восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. на территории Беларуси в отечественной историографии до настоящего времени были освещены довольно скупо. Еще меньше сведений было по составу участников тех восстаний. Из комплексных российских иссле-

Карпович Олег Валерьевич, ассистент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

дований по данной проблематике можно выделить лишь труды советских историков, изданных в 60–70-х годах XX века (И.А. Воронков, В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, Л.А. Обушенкова, Н.П. Митина) и работы современного белорусского историка О.В. Горбачевой.

Однако, при исследовании сословного характера обоих восстаний российские и белорусские ученые использовали, в основном, материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а данные белорусских архивов в Гродно и Минске отводились второстепенные роли. Между тем, содержащиеся в них сведения заставляют по-иному взглянуть на общую картину по участию тех или иных социальных групп в восстаниях. В последние годы появились исследования по участию населения отдельных регионов Беларуси в восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг., проведенные на базе Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Гродно. К таковым следует отнести работы гродненских ученых В. Черепицы, В. Шведа, С. Донских и доцента Полесского университета А. Ильина. Исследованию конфискованной недвижимости у влиятельных участников восстаний были посвящены работы А. Радюка. Не исключением стали и работы автора данной статьи, опубликованные в «Вестнике ГрГУ им. Я. Купалы» в период 2008–2011 гг. К сожалению, данные исследования содержали ряд неточностей и ошибок, в частности, относительно Брестского уезда.

В настоящей статье, с акцентом на характер движущих сил, проводится комплексное исследование событий восстаний 1831 и 1863 гг. по Брестскому уезду Гродненской губернии с привлечением новых, ранее не опубликованных данных.

Прежде чем начать изучение характера движущих сил восстаний 1830–1831, 1863–1864 гг. на территории Брестского уезда, необходимо выяснить, что же представляли собой сословия в России. В XIX в. все население Российской империи было разделено по сословному характеру: а) неподатные привилегированные дворянство и духовенство, которые занимали важнейшие ключевые должности как на местном уровне, так и в масштабах государства; б) однодворцы; в) крестьяне.

По своему социальному положению белорусское дворянство делилось на несколько категорий:

1. Помещики – крупные, средние и мелкие душе- и землевладельцы.

2. Дворяне, не имевшие недвижимого имущества, но утвержденные департаментом Герольдии при Сенате, внесенные в губернские «Списки дворянских родов», либо признанные на дворянских собраниях в качестве действительных дворян.

3. Шляхта. В широком смысле слова само понятие «шляхта» относится ко всем вышеуказанным категориям, но в данном случае – это отдельная, официально не утвержденная, как правило, не имевшая крупной недвижимости, самая бедная категория дворянства, зарабатывавшая себе на жизнь собственным трудом.

Духовенство (христианское, мусульманское и т.д.), свободное от податей, рекрутчины, воинских постоев, привилегированное в области судопроизводства.

Наконец, самое многочисленное сословие – **крестьянство**. До отмены крепостного права крестьяне разделялись на несколько категорий: государственные, помещичьи, церковные, вольные (свободные крестьяне, не относящиеся ни к одной из указанных категорий). В свою очередь, первые три категории делились на другие, более мелкие разряды.

Помимо этих сословий, следует отметить такое сословие, как **однодворцы**. Как известно, по указу от 19 ноября 1831 г. начался «разбор» беднейшей части шляхты. Лица, не сумевшие подтвердить свое происхождение (представить документы о принадлежности к шляхте во времена Речи Посполитой), переводились в податные сословия и в зависимости от места жительства стали называться однодворцами (в деревнях и селах) и гражданами (городские жители). При этом те и другие в зависимости от своего имущественного положения делились на две категории. Лица, имевшие свою землю, либо арендовавшие ее у других собственников (помещиков, духовенства, государства), назывались *оседлыми*, а лишенные всяких средств производства и работавшие по найму – *неоседлыми*.

Отдельно стояли такие межсословные группы, как:

а) **разночинцы** – юридически не оформленная категория населения, занимавшаяся преимущественно умственным трудом (врачи, мелкие чиновничество, учителя, гимназисты и студенты, служащие имений). В первой половине XIX в. разночинцы являлись выходцами из дворянских родов, поэтому данную категорию мы отнесли к дворянскому сословию;

б) **городское население** – категория населения, включавшая как отдельные сословия, так и социальные группы, сословную принадлежность которых установить крайне сложно, например, фабричные и заводские рабочие и ремесленники. Как отмечалось выше, многим обедневшим представителям привилегированной части общества приходилось заниматься вовсе неблагородным трудом. Помимо рабочих и ремесленников, в эту социальную группу мы включили также представителей купечества, мещан, еврейского населения, наемных работников государственных и частных имений.

Далее по тексту мы располагаем сословия участников восстаний так, как они указаны в архивных материалах. В отношении таких социальных категорий, как чиновники и представители медицины, в архивных документах имеются сведения об их принадлежности к дворянскому сословию.

Несмотря на то, что Брест-Литовск с уездом находились в стороне от основных событий обоих восстаний, тем не менее, жители этого региона проявили себя как в организации восстаний, так и в вооруженной борьбе.

В ночь с 29 на 30 ноября 1831 г. в Варшаве вспыхнуло восстание и русские чиновники, служившие в различных ведомствах под прикрытием немногочисленных полков русской армии, начали отход в глубь России. Одним из таких беженцев поневоле стал и великий князь Константин Павлович, брат императора Николая I, наместник Царства Польского, когда-то лично принимавший участие в создании польской армии. Теперь его воспитанники обратили оружие против него самого. Путь великого князя и его канцелярии пролегал через Брест-Литовск, который не очень понравился высокопоставленному сановнику.

Спустя 2 недели после начала восстания в Польше, 12 декабря 1830 г., территория Гродненской губернии была объявлена на военном положении, всякие сношения местных жителей с Польшей запрещались. На следующий день, 13 декабря, в Гродно были вызваны наиболее влиятельные «неблагонадежные» помещики во главе с брестским уездным предводителем дворянства Карлом Немцевичем, за которыми был установлен секретный полицейский надзор. Но надзор был слаб и власти откровенно прозевали последующий отход всех «наблюдаемых» в Беловежскую пушу для организации отрядов.

Следует отметить, что население Брестского уезда не особо проявило себя в восстании 1831 г. По установленным сведениям, в общей сложности в этом восстании приняло участие 28 человек, см. таблицу 1 [10; 11; 12; 25; 26].

В нашем распоряжении оказался ряд документов, позволяющих точно определить по качественным показателям соотношение участия представителей ряда сословий в восстании (число участников восстания / число проживающих в уезде), см. таблицу 2 [7, л. 8–44, 45–55].

Несмотря на такое скромное содействие восстанию со стороны шляхты, в течение 1832 г. в категорию однодворцев в Брестском уезде было переведено 287 душ мужского пола [12, л. 60].

Уже позднее ряд влиятельных дворян Брестского уезда состоял в тайной организации по сбору финансовых средств для эмиграционных аристократических кругов, выходцев из Гродненской губернии. Одним из таких дворян был помещик Павел Ягмин, за свое «неблагонадежное» поведение попавший под надзор полиции. Кроме него, «под колпак» властей попали еще 10 помещиков, включая такие громкие имена, как Феликс Влодек, Юзеф, Феликс и Тадеуш Понишвицкие, Александр Буховецкий; бывший студент Виленского университета владелец имения Турна (ныне в Каменецком районе) Адам Шумский, униатский священник Теофил Куханович и т.д. [28]. За участие в восстании ряд представителей влиятельного дворянства

Таблица 1. Сословный состав участников восстания 1831 г. по Брестскому уезду

Уезд	Помещики	Шляхта	Крестьяне	Духовенство		Служащие имений	Мещане	Неуст. сослов.	Всего
				католич.	униат.				
Брестский	6	6	7	2	1	3	1	2	28

Таблица 2. Качественные показатели участия в восстании 1831 г. отдельных сословий Брестского уезда

Уезд	Помещики			Шляхта			Крестьяне		
	населяло уезд	уч-ков восстан.	соотношение	населяло уезд	уч-ков восстан.	соотношение	населяло уезд	уч-ков восстан.	соотношение
Брестский	151	6	1/25,2	273	6	1/45,5	39886	7	1/5698

Брестчины лишился своей собственности. Так, Карл Немцевич потерял свои многочисленные имения в Брестском и Кобринском уездах с общим числом в 1065 душ м.п., которые были оценены почти в 40617 рублей серебром; у Феликса Пусловского были конфискованы имения в Кобринском, Брестском, Гродненском и Пружанском уездах с общим числом в 2256 душ м.п., оцененные в 46125 рублей серебром [33, с. 111–114; 29, л. 1–10].

Однако в целом, как можно видеть из таблиц, население Брестского уезда проявило практически полное равнодушие к восстанию 1831 г., чего нельзя сказать о **восстании 1863 г.**

С 7 февраля 1863 г. город и крепость были объявлены на осадном положении, за жителями, в первую очередь за молодежь, был установлен полицейский надзор. Однако, как и в 1831 г., качество полицейского надзора оставалось желать лучшего. В апреле 1863 г. в Брест наведалься сам Константин Калиновский. О встрече с ним в трактире купца Глуховского упоминал на допросе Аполлон Гофмейстер: «Подходит вдруг ко мне совершенно незнакомый человек, рекомендует под именем Чарноцкого и говорит, ...что он есть комиссар Народного жонда... Гораздо после я узнал, что это есть Калиновский, имеющий родственников в Брестском уезде, в им. Видомле» [3, с. 396]. Сам Аполлон Гофмейстер, человек с солидным революционным опытом, был назначен повстанческим воеводой Брестского, Пружанского и Кобринского уездов. Еще в 1848 г. за попытку поднять восстание на белорусских землях, после гражданской казни над ним в Вильно Гофмейстер был сослан в арестантские роты Орска и Оренбурга. С 1857 г. Аполлон Гофмейстер жил под надзором полиции в своем имении Шостаково Брестского уезда, где организовал школу для крестьян. С 1863 г. Гофмейстер поселился в Брест-Литовске, где занялся организацией повстанческих отрядов Брестского уезда [37, с. 245–246]. Однако здесь столкнулись интересы ЛПК и Центрального польского повстанческого комитета, направившего сюда отряд варшавского эмигранта Романа Рогинского. Начальник штаба Рогинского, бывший воспитанник духовной семинарии Флориан Стасюкевич, был назначен из Варшавы правительственным комиссаром Брестского, Кобринского и Пружанского уездов, чем вызвал законное недовольство Калиновского, который поставил на этот регион Гофмейстера [30, лл. 76–76об]. Вследствие разногласий некоторое время повстанческое движение на юге Гродненской губернии развивалось несколько хаотично, пока единое командование не принял на себя Ромуальд Трауггут.

Один из брестских купцов – хозяин корчмы Янкель Долубовский регулярно поставлял повстанческим отрядам продукты и одежду. Весной 1863 г. была обнаружена пропаша оружия из арсеналов Брестской крепости. Проведенное расследование не выявило виновных. Зато Роман Рогинский, знаменитый командир повстанческого отряда, в своих мемуарах писал, что оружие из арсеналов Брестской крепости регулярно продавалось повстанцам при посредничестве брестских евреев [34, с. 424]. В июне 1863 г. были арестованы несколько барышень, жен и дочерей весьма влиятельных людей в городе, которые сумели собрать всего лишь 8 руб. 50 коп. Вот как описывал эту ситуацию брестский военный начальник в рапорте гродненскому губернатору: «По дошедшим до меня сведениям, что дочь секретаря Брестского уездного суда Люция Желешкевич в обществе с дочерью вольнопрактикующего доктора Софьей Консевич, женой комиссионера Марией Васинской, г-жой Франтишкой Бутвилович..., женой помощника Окружного начальника государственных имуществ Розалией Фальской ...проводили сбор денег для

мятежников». На основании этого вышеназванные дамы были арестованы, вскоре также арестовали их мужей и поместили в уездную тюрьму. Не был найден только сам доктор, который, по некоторым сведениям, проживал в Варшаве [15].

Непосредственно из Брест-Литовска, по сообщениям властей (по состоянию на конец мая 1863 г.), бежало 16 человек: писари городских учреждений и пять рабочих каретной фабрики [17, лл. 477–484]. Правда, рабочие нашлись через неделю, и вскоре после их ареста выяснилось, что накануне своего «исчезновения» эта пятка (три поляка и два еврея) получила от хозяина жалование и по доброй русской традиции ушла в запой, проводя время в брестских трактирах. На вопросы о намерении вступить в «мятежные банды» рабочие давали логичный ответ: а зачем? «Содержанием мы вполне довольны, хозяин платил неплохо и регулярно, а что до водки, так есть такой грешок...». Следствие допросило массу свидетелей, включая трактирщиков и извозчиков, чтобы убедиться в правильности показаний арестованных. Но и на этом следствии не успокоилось, а перевело арестованных в казематы крепости, о чем спустя несколько дней капитан следственной части одного из полков писал на имя брестского полицмейстера: «... мои люди тратят на содержание этого сброда из казны по 30 коп., в связи с чем... считаю сих пьяниц отпустить по домам под надзор полиции» [18]. Еще 40 человек бежало из Брестского уезда [17, лл. 477–484].

Как уже отмечалось выше, повстанческим начальником Брестского уезда, по решению Варшавы, был назначен бывший начальник штаба разгромленного отряда Романа Рогинского Флориан Стасюкевич, который и начал формирование собственного отряда в Ракитненском лесу Бельского уезда. В новый отряд стекались в том числе и жители Брестского и Кобринского уездов. Отряд пробыл в Бельском уезде до мая, затем, завершив формирование, в количестве около 300 человек направился в леса Брестского уезда. Однако, первое же боестолкновение с правительственными войсками закончилось для Стасюкевича плачевно: при первых выстрелах командир отряда бежал, оставив на произвол судьбы своих людей, и только вмешательство его заместителей, включая отставного штабс-ротмистра русской армии Казимира Нарбута, помогло избежать полного разгрома. 27 мая 1863 г. в сражении близ мест. Черск Брестского уезда повстанцы потеряли убитыми 11 и пленными 17 человек. По воспоминаниям одного из повстанцев, Игнатия Арамовича, «москалей должно было погибнуть 78» [1, с. 46]. Однако такие фантастические потери правительственных сил совсем не вяжутся с полным разгромом повстанцев, какой имел место в реальности. Остатки отряда сумел объединить в Черских лесах под своим командованием упомянутый выше помещик Казимир Нарбут и присоединить к отряду Яна Ваньковича (псевдоним – Лелива), прапорщика корпуса лесничих Беловежской пушчи, организовавшего свое подразделение в первых числах мая. В дальнейшем Ванькович перебрался с отрядом в Минскую губернию, а Нарбут, отделившись от Ваньковича, командовал собственным подразделением. Конный отряд Нарбута состоял в основном из помещиков окрестных имений и мелких дворян. Примечательно нахождение в отряде в числе прочих племянницы Казимира Нарбута Кристины, представителей влиятельного помещичьего рода Брестского уезда братьев Феликса и Каэтана Ягминов и некоего православного священника Кухановича (подробных сведений о котором найти не удалось). Именно конники Нарбута оставили недобрую память среди крестьян Брестского и Кобринского уездов. Как отмечали потом офицеры подразделений, воевавшие с

Таблица 3. Сословный состав участников восстания 1863 г. по Брестскому уезду

Уезд	Крестьяне		Дворяне				Однодворцы		Городское население	Иностр. подданные	Всего	
	участников восстания	проживало в уезде	дворяне (без указания рода занятий)	шляхта	помещики		чиновники, врачи	участников восстания				проживало в уезде
					участников восстания	проживало в уезде						
Брестский	38	3615 6	72	6	27	202	11	14	220	20	2 / 1,05	190
Итого, чел. / в %	38 / 20				116 / 61,05			14 / 7,4		20 / 10,5		

Таблица 4. Лица, содержавшиеся в Брестских тюрьмах по подозрению в участии в восстании 1863 г.

Месяц	Помещ.	Дворяне	Крест-не	Чин-ки, врачи	Однод-цы	Город. сослов.	Дух-во	Иностр. подд.	Неустан. сослов.	Всего
сентябрь	16	25	7	1	8	10	1	2	2	72
ноябрь	14	30	17	4	3	11	1	2	19	101
декабрь	7	20	22	5	5	18	2	1	13	93

отрядом Нарбута, «многие из крестьян Брестского уезда были бесчеловечно наказаны плетью. В дер. Новоселки Кобринского уезда был повешен староста; в лесной сторожке Язвинец Нарбут, прочитав дьячку Александровичу и лесному стражнику Кузьмицкому приговор, приказал повесить их; при накладывании дьячку петли на шею, мятежники издевались над ним. Задержанные мятежниками крестьяне упросили Нарбута даровать жизнь несчастным». Все время Нарбут провозглашал манифест крестьянам, в котором призывал присоединиться для «защиты родины и чести, в противном же случае их будут вешать и казнить» [2, ч. 1, с. 399]. Вскоре отряд Нарбута был разгромлен, сам командир эмигрировал за границу, где впоследствии служил во французской армии. По установленным данным, состав отряда Нарбута выглядел следующим образом: беспоместных дворян – 9, помещиков – 19, чиновников – 3, по одному крестьянину, однодворцу и священнику, сословную принадлежность еще двух человек установить не удалось [14, лл. 6–9; 16, лл. 12–13, 59–76].

11 июля (29 июня) 1863 г. в Брестском уезде было еще одно столкновение. На мест. Домачево с воинским гарнизоном в 32 нижних чина и 80 вооруженных крестьян произошло нападение повстанческого отряда под командованием некоего Крысинского (по разным источникам от 600 до 1000 человек). Потеряв убитыми и ранеными 18 нижних чинов и 12 крестьян, правительственные силы были вынуждены бежать, а повстанцы, забрав оружие и амуницию, переправились через Буг на территорию Бельского уезда [40, с. 333].

Нам удалось выявить имена 190 жителей Бреста и Брестского уезда, принявших участие в восстании 1863 г. (в данном случае мы не берем в расчет представителей духовенства), см. таблицу 3 [23; 24; 39, с. 46; 20; 21; 27; 36, с. 52, 62, 67, 97; 8, лл. 211–224; 13, лл. 15–16 об; 17, лл. 287–295].

Как видно из таблицы, основную роль в восстании на территории Брестского уезда играли представители дворянства, количество которых составило 61,05 % от общего числа участников восстания. Между тем, по данным на 1863 г., в Брестском уезде проживало 816 дворян мужского пола. Можно вычислить, что среди дворянского сословия почти каждый седьмой принял участие в восстании, а наибольший процент среди участвовавших дворян составили его обедневшие слои – 62,1 %. Помимо этого, в данную таблицу не вошли представители духовенства, которых судили по отдельным спискам. Так, в мест. Сураж Брестского уезда (ныне территория Польши) был закрыт Марианский монастырь, в котором настоятель Петр Кринский и ксендз Михаил Свитский «были замешаны в настоящем мятеже и преданы суду». Оставшиеся 10 служителей монастыря были переведены в другие приходы. Сам Кринский был выслан в 1865 г. по суду в Тобольскую губернию «за политическую неблагонадежность» [19, лл. 1–2].

В самом Бресте сложилась следующая ситуация. Арестованных на территории Брестского уезда участников повстанческого движения или лиц, к ним причисленных, отправляли в Брест, где был своего рода пересыльный пункт в виде двух тюрем: городской и казематов на территории крепости, откуда по истечении некоторого времени они либо освобождались, либо отправлялись по этапу. Очевидно, тюрьмы в Бресте были довольно крупными, т.к. исходя из архивных документов, можно судить, что достаточно долгое время в городе число арестованных повстанцев было значительным. Так, с осени 1863 г. в двух брестских тюрьмах содержалось около сотни человек, сословный состав которых распределился следующим образом: см. таблицу 4 [21].

Двумя иностранными гражданами были Вильгельм Гейтель (подданный Пруссии, 26 лет) и Иоганн Смотер (подданный Австро-Венгрии, 21 год). За что они попали в руки властей и какова была их судьба в дальнейшем, выяснить не удалось. В графе «неустановленные сословия» записаны жители Царства Польского, без указания их сословия и рода занятий. Среди лиц дворянского происхождения в тюрьме также находились брестский аптекарь с сыном, два отставных офицера, трое лесников и брестский доктор Михаил Бурминский, 38 лет. Чиновниками среди остальных были Франц Бартовский – секретарь Брестского магистрата (взятый в плен из отряда К. Нарбута), Киприан Бучинский – заседатель Брестского уездного суда и Исакевич – чиновник Пружанского уездного суда. Среди арестованных представителей городского населения (евреев, купцов, ремесленников, рабочих и т.д.) и помещиков находилось несколько женщин, которые позднее были отпущены. Как правило, в число арестованных лиц еврейской национальности входило население, занимавшееся торговлей и предпринимательством. Эти люди поставляли свои товары как властям, так и повстанцам за материальное вознаграждение, следовательно, могли попасть в число арестованных только по собственной оплошности. Арестованное духовенство в брестских тюрьмах представляли 72-летний монах одного из католических монастырей Пружанского уезда и 18-летний сын православного священника Брестского уезда.

Довольно любопытная заметка была опубликована в № 53 газеты «День» за 1863 г. Из нее следует, что в октябре 1863 г. через Брест из Бобруйска в Варшаву проезжал освобожденный из-под ареста некий прелат Бялобржевский, настоятель одного из варшавских костелов. В 1861 г., как следует из газеты, он, пытаясь спровоцировать народные погромы, самовольно прекратил богослужение и закрыл костел, обвинив в этом российские власти. Его приговорили к смертной казни, замененной затем на 2 года тюрьмы в Бобруйской крепости. На всем протяжении пути из Варшавы в Бобруйск прелата встречали толпы «польской шляхты», которая «с плачем становилась на колени, когда

Таблица 5. Список казненных в г. Брест-Литовске участников восстания 1863 г.

№ п/п	Фамилия, имя	Сословно-социальная принадлежность	Причина казни	Место казни, дата
1.	Адамович Станислав	рядовой Муромского пехотного полка	Вступление в ряды повстанцев, участие в разграблении почты на Пинском тракте, сожжении моста на р. Ясельда, убийство двух солдат из команды инвалидов	Брест, 3(15).06.1863
2.	Балич Юзеф	крестьянин	Участие в истязаниях над лицами, преданными правительству	Брест, 23.12.1863 (3.01.1864)
3.	Корсак Ян	мещанин	Участие в истязаниях над лицами, преданными правительству	Брест, 28.12.1863 (8.01.1864)
4.	Павлович Богуслав	прапорщик 13-й артиллерийской бригады	Самовольное оставление службы, измена присяге, добровольное пребывание в повстанческом отряде	Брест, 19(31).07.1863
5.	Черко Александр	крестьянин	Пребывание в повстанческом отряде в качестве жандарма-вешателя	Брест, 23.12.1863 (3.01.1864)

он, сопутствуемый жандармами, проходил мимо нее, хватала за край его одежды и целовала ее». По возвращении из-под ареста в Польшу путь Бялобжежского вновь лежал через Брест, где «энтузиазм шляхты дошел до того, что сами хотели везти коляску прелата» [5].

Уже после полного подавления восстания власти еще долгое время выявляли не только активных участников восстания, но и лиц, им сочувствующих. Так, из Брестского уезда на конец 1864 г. было выслано 99 крестьян (с семьями) во внутренние регионы России. Половина из них была отправлена «под надзор губернатора» в Калужскую и Тульскую губернии [22, лл. 13–45]. В числе помещиков, лишившихся своей собственности за участие в восстании, лидером по Брестскому уезду оказался крупный землевладелец Павел Ягмин, брат упомянутых выше Феликса и Казтана Ягминов (поставщик отрядов Ромуальда Траугутта и Казимира Нарбута), чьи имения в Брестском и Пружанском уездах были проданы за 165000 рублей серебром. Также в список влиятельных помещиков уезда вошли имения Александра Вильчевского (продано за 40000 руб. серебром), Георгия Гажича (42000 руб. серебром), Тита Пусловского (19780 руб. серебром), Павла Понихицкого (5849 руб. серебром) и Ксаверия Карчевского (8001 руб. серебром) [39, с. 78–80]. Названные выше Георгий Гажич и Александр Вильчевский занимали в разное время должность уездного предводителя дворянства и за оказание финансовой помощи повстанцам были высланы в Пермскую губернию. Всего по Брестскому уезду было конфисковано в казну 10 помещичьих имений с общим годовым доходом с них в 4280 рублей серебром. Продано (в том числе принудительно) 42 помещичьих имения [39, с. 79–82]. По подозрению в «политической неблагонадежности» в Бресте было уволено 33 чиновника «присутственных учреждений». В числе уволенных чиновников по подозрению в помощи повстанцам оказались полицейские приставы Константин Костецкий (1 стан) и отставной капитан Михаил Белозерский (5 стан) [8, лл. 12–14, 25–29, 38–40об].

По состоянию на 1867 год под надзором полиции за участие (или соучастие) в восстании 1863 г. находился по Брестскому уезду 61 человек: 22 беспоместных дворянина, 19 помещиков (в числе которых граф Стефан Грабовский), 6 отставных чиновников (все сочувствующие повстанцам чиновники, либо активные участники были уволены еще в период 1863–1864 гг.), 6 крестьян, 2 врача и 8 представителей городского населения (мещане и ремесленники) [31].

За участие в восстании в Брест-Литовске было казнено 5 человек, см. таблицу 5 [38].

Казненный прапорщик 13-й бригады Богуслав Павлович самовольно оставил свою часть и присоединился к отряду Романа Рогинского, который вскоре назначил его своим адъютантом. Как видно из данной таблицы, все смертные приговоры были вынесены за конкретные преступления, жестоко карающиеся в условиях военного времени.

Таким образом, данное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В силу большой концентрации правительственных войск в пределах г. Брест-Литовска и Брестского уезда участие населения Брестского уезда в восстании 1831 г. было минимальным. Тем не

менее, из числа участвовавших в восстании жителей Брестского уезда, представители неподатных сословий (дворянство, духовенство) составили 53,6 %. Каждый четвертый житель уезда, принявший участие в восстании являлся крестьянином. Говоря об участии крестьян в восстании 1831 г., следует учесть ряд факторов:

а) прежде всего активным участием в вооруженной борьбе отметились крепостные крестьяне, принадлежащие помещикам и католическим монастырям. Эта категория была вынуждена идти в отряды под угрозой насилия и гибла в первую очередь, будучи невооруженной [6, с. 54];

б) иногда для привлечения большего количества населения в отряды крестьянам обещалось со стороны своих помещиков уменьшение повинностей, вплоть до предоставления вольной. Так, секретарь уездного предводителя дворянства Викентий Якубовский в мест. Налибоки Ошмянского уезда провозгласил свободу своим крестьянам, вступившим в ополчение [4, с. 93];

в) кроме того, повстанческие агитаторы для привлечения крестьян в отряды использовали и откровенную дезинформацию, распространяя слухи о невероятно большой численности и силе повстанцев, что якобы «русские солдаты действующей армии массово переходят на сторону мятежников» [35, с. 129]. В ряде случаев крестьяне добровольно убегали в отряды от своих помещиков и их подручных – экономов и управляющих имениями, надеясь получить свободу и землю. Нередко крестьяне убегали в леса, стремясь избежать рекрутской повинности, проводившейся царскими властями. Например, власти Гродненской губернии отмечали, что «как помещицы, так и казенные крестьяне, в особенности дворовые люди, избегают рекрутской повинности... убегали во множестве» [4, с. 104].

2. В отличие от восстания 1831 г., ситуация в Брестском уезде в 1863 г. значительно изменилась, и жители региона приняли активное участие в новом восстании, значительное число которых также составили представители дворянского слоя (61,5 %). Однако если в 1831 г. от общего числа дворян помещики и шляхта составили равное число участников восстания (по 50 %), то в 1863 г. помещики составили лишь 23,3 %, хотя общая их численность в восстании увеличилась почти в 3 раза. Увеличение числа помещиков в восстании 1863 г., наряду с патриотическим подъемом, можно объяснить и экономическими причинами. Еще в первой четверти XIX в. часть помещичьих имений оказалась на грани разорения, и владельцы были вынуждены заложить их в различных банках. Очевидно, что с отменой крепостного права этот процесс увеличивался в геометрической прогрессии. Исходя из этого, ряд помещиков, оказавших под угрозой разорения, свое участие в восстании рассматривали, как способ улучшить свое незавидное положение. Мы не располагаем данными по Брестскому уезду, но в целом по белорусским землям такое явление было характерно [32].

Вместе с тем, представители обедневшего дворянства составили 62,1 % от общей численности дворян. Общее число представителей шляхты в обоих восстаниях осталось неизменным (по 6 человек), однако принимая в расчет активное участие однодворцев

Брестского уезда в восстании 1863 г. (переведенных в разряд податного сословия как раз из бывшей шляхты), общее число недовольных своими условиями жизни увеличивается более чем в 3 раза.

3. Процент крестьян, принявших участие в восстании 1863 г. на территории Брестского уезда в сравнении с 1831 г. снижается (с 25 % до 20 %), однако общее их количество увеличивается в 1863 г. более чем в 5 раз. Главная причина такой активности заключается в разочарованности основной массы крестьянского слоя в половинчатых результатах реформы 1861 г., чем на первых порах воспользовалось повстанческое руководство, перетягивая на свою сторону крестьян. Однако значительная часть крестьянского сословия Брестского уезда не приняла массового участия в восстании, о чем свидетельствуют цифры, по которым 1 участник восстания приходился лишь на 951,5 человек.

4. Смертные приговоры участникам восстания 1863 г. на территории Брестского уезда были вынесены за конкретные тяжкие преступления, которые в условиях военного времени (а территория Беларуси в период восстания 1863–1864 гг. находилась на военном положении) жестоко караются во всех странах.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Арамовіч, І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. / І. Арамовіч; пераклад А. Радзюка // *ARCHE*. – 2010. – № 12. – С. 18–71.
- Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2-х ч. / Под общ. редакцией А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; Вильно, 1915. – Ч. 2.
- Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. – М.: Наука, 1965. – 586 с.
- Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: БДУ, 2001. – 186 с.
- День. – 1863. – № 53 – С. 16–17.
- Дьяков, В.А. Социальный состав участников польского восстания 1830–1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи) / В.А. Дьяков, В.М. Зайцев, Л.А. Обушкова // *Историко-социологические исследования*. – М.: Наука, 1970. – С. 19–121.
- Список о количестве помещиков и дворян, владевших в Гродненской губернии именьями; о содержании под арестом лиц, участвовавших в восстании 1831 г. – Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в Гродно). Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1128.
- О собрании сведений о чиновниках, уволенных за политическую неблагонадежность. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 511.
- Списки помещиков губернии, участвовавших в польском восстании 1831 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 489.
- Списки лиц, принимавших деятельное участие в польском восстании 1831 г. и показания их, данные следственной комиссии. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 64.
- Списки лиц, участвовавших в восстании. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 65.
- Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края об аресте церковнослужителей, учителей и учеников, участников польского восстания 1831 г. – НИАБ в Гродно. Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 295.
- Дело о повстанческом движении по Брестскому уезду. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 226.
- Дело об аресте жителей Брестского уезда за участие в восстании 1863 г. под руководством К. Нарбута. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 362.
- Следственное дело на жителей Бреста, обвиняемых в сборе денег на нужды восстания 1863 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 467.
- О предании суду участников восстания из отряда К. Нарбута. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 520.
- Списки чиновников палат казенной, уголовной, гражданской и государственных имуществ по губернии, принимавших участие в восстании 1863 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 1138.
- Военно-следственное дело на подмастерьев каретной фабрики г. Бреста, обвиняемых в намерении вступить в повстанческий отряд. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 1854.
- Дело о закрытии Марианского монастыря в мест. Рясна Брестского уезда за участие в восстании 1863 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2612.
- Алфавитный список жителей Гродненской губернии, обвиненных по суду за участие в восстании. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3567.
- Дело с ведомостями следственных комиссий о движении политических дел по Бресту. – НИАБ в Гродно. Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 5.
- Списки лиц, высланных из Гродненской губернии за участие в восстании 1863 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 43.
- Алфавитный список политических преступников, имущество которых подлежит конфискации в казну, по 1 октября 1864 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 46.
- Алфавит Временного отдела штаба Виленского военного округа за 1864 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 3. – Оп. 3. – Д. 10.
- Переписка с Виленским губернатором о польских военнопленных, содержавшихся в Динабургской крепости. – НИАБ в Гродно. Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 121.
- Алфавитный список участников восстания 1831 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 192.
- Указы губернского правления о розыске имущества и капиталов, принадлежащих лицам, участвовавшим в польском восстании 1863 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 584. – Оп. 1. – Д. 1.
- Списки участников восстания 1831 г., состоящих под надзором полиции по уездам Гродненской губернии за 1837 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 19. – Д. 1381.
- Списки конфискованного имущества участников восстания 1831 г. в уплату долгов. – НИАБ в Гродно. Фонд 31. – Оп. 8. – Д. 6.
- Сознания и чистосердечные признания политических преступников во всех делах и преступлениях. – НИАБ в Гродно. Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 40а.
- Ведомости лиц, состоящих под надзором полиции за 1867 г. – НИАБ в Гродно. Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 871.
- Дело о конфискации имений бывших участников восстания. – НИАБ в Минске. Фонд 27. – Оп. 1. – Д. 834.
- Радзюк, А.Р. Канфіскацыя прыватнай уласнасці на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.: дыс. ...канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.Р. Радзюк. – Мінск, 2006. – 114 с.
- Рогинский, Р. Из воспоминаний повстанца / Р. Рогинский; перевод Г.А. Воробьева // *Исторический вестник*. – 1906. – Т. 105. – С. 422–452.
- Русак, О.Б. Отношение крестьянства Белоруссии к восстанию 1830–1831 гг. / О.Б. Русак // *Сельское хозяйство и крестьянство Беларуси: материалы научной конференции, 27–29 октября 1989 г., г. Гомель*. – Минск, 1991. – С. 126–135.
- Улащик, Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1965. – 479 с.
- Dubiecki, M. Apolin Hofmeyer, naczelnik woewodztwa Brzesko-Litewskiego w powstaniu styczniowym / M. Dubiecki // *Ateneum Wilenskie*. – 1923, Rok. I. – S. 230–252.
- Rok 1863: wyroki smierci / red. W. Studnicki. – Wilno: Nakł.: dr. Ludwika Chominskigo, 1923 [s.a.]. – 120 a.
- Schmidt W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w b. guberniach Wilenskiej, Grodzienkiej i Minskiej (1793–1875). – Warszawa, 1923. – 102 s.
- Zielinski, St. Bitwy i potyczki 1863–1864. Na podstawie materialow drukowanych i rekopismiennych Muzeum Narodowego w Rapperswilu / St. Zielinski. – Rapperswil, 1913. – 412 s.

Материал поступил в редакцию 13.06.12

The Brest district of the Grodno province on the geographical position was boundary region of the Belarus earth with the Kingdom Polish. In this connection studying of insurgent movement in the given region represents the special scientific importance. Unfortunately, a number of researches of a modern domestic historiography (the Russian and Belarus researchers), devoted to revolts 1831 in this case are meant and 1863 are based on materials of the Russian historical archives and the data of corresponding archives of Belarus is ignored that does not allow to reveal with authentic accuracy degree of participation of the population of separate regions in revolts. In the present article, with accent on character of motive forces, complex research of events of revolts 1831 and on the Brest district of the Grodno province with attraction of the new, earlier not published data is conducted 1863. Article is based on materials NIAB in Grodno.

УДК 330.8 (476)

Ковалёва Н.Н.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Введение. При исследовании специфики экономического развития западных регионов Беларуси автором использовалась предложенная доктором исторических наук В.П. Панютинем схема деления дореволюционной Беларуси на три отличающихся в социально-экономическом отношении региона: Восток, Центр и Запад. К Западу он относит белорусские уезды Гродненской (Гродненский, Брестский, Кобринский, Пружанский, Волковысский, Слонимский) и Виленской (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский) губерний [1, с.5]. Такой подход, по нашему мнению, позволяет дать более детальную характеристику уровня и направленности экономического развития региона на конкретном этапе.

В исследуемый период западные регионы Беларуси, как, впрочем, и весь Северо-Западный край России, отличались преобладанием аграрного сектора экономики, но в конце XIX в. уже явно прослеживалась тенденция формирования собственной отраслевой специализации промышленности на фоне общей интенсификации промышленного развития. В данной статье нами предпринимается попытка выявить главные факторы, стимулирующие развитие промышленности западных регионов и её отраслевую структуру.

Оценивая состояние промышленности Северо-Западного края, Д.И. Менделеев, главный редактор книги «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», писал: «Промышленность находится в зародышевом состоянии, удовлетворяя преимущественно местным мало развивающимся потребностям, тяготея, в промышленном отношении, к Московской, Балтийской и Польской областям, как центрам фабрично-заводской деятельности [2, с.30]. Действительно, из двадцати трёх промышленных губерний России (где процент промышленного населения выше среднего – 10,5%), Гродненская губерния в конце XIX века занимала 21 место (11% промышленного населения) [3, с.9], а Виленская – вообще не входила в их число.

Традиционными занятиями жителей этого региона в середине XIX века были земледелие и (в Виленской губернии) сплав леса по рекам. С точки зрения известного белорусского исследователя М.В. Довнар-Запольского, аграрный характер экономики предопределялся преобладанием равнинного ландшафта¹. Оценивая итоги и перспективы экономического развития Беларуси, ученый отмечал отсутствие тех резких различий «природных условий, на которые указывает Маркс, как на известного рода импульс к общественному разделению труда и как на условия, способствующие зарождению обмена» [4, 7]. К тому же, при общей низкой плодородности почв белорусских губерний, «Ковенская, Виленская и Гродненская губернии имели почву более плодородную, суглинистую» [5, IX], что давало возможность получать неплохие урожаи².

Запад традиционно характеризовался господством фольварочно-барщинной системы, преобладанием подворной системы крестьянского землепользования, меньшим размахом промысловых занятий. Привязанность крестьян к земле сдерживала развитие мелкотоварного производства (отхожих и домашних крестьянских промыслов). Даже такой популярный на белорусских землях вид домашних промыслов, как химическая переработка древесины (смолокурение, изготовление древесного угля, выгонка дёгтя), равно как и бондарно-клепочный промысел не получили значительного развития.

Недостаток капиталов, бедность сырьевой базы и антибелорусская политика царского правительства, заинтересованного в установлении на белорусских землях монополии на сбыт товаров российского производства, долгое время препятствовали становлению фабрично-заводской промышленности в западных регионах Беларуси. Проведя реформу 1861 г. на более льготных условиях и создав, тем самым, благоприятные условия для становления рыночных отношений, в пореформенный период царское правительство своей политикой национальной дискриминации, затронувшей всех лиц неправославного вероисповедания, сдерживало развитие как аграрного сектора экономики, так и промышленности края.

Следует признать, что политика национальной дискриминации, проводимая по отношению к польским производителям, в своё время косвенным образом поспособствовала промышленному подъёму Гродненской губернии. Когда в 20-е – 50-е гг. XIX в. между Царством Польским и Россией была установлена таможенная граница, многие польские предприниматели перенесли свою активность на белорусские земли, не ограждённые от России таможенным барьером. В результате, к 1866 г. в Гродненской губернии было создано 46 сукожных фабрик (4000 рабочих) [6, с.43]. Сукожное производство на Гродненщине держалось преимущественно на местном сырье, что стимулировало развитие тонкорунного овцеводства, и на государственных заказах. В 40-е годы XIX века на белорусских землях размещалась десятая часть российского войска, или 43 тысячи человек, которых необходимо было не только кормить, но и одевать [7, с.66].

К 60-м годам Гродненская губерния имела самую развитую среди белорусских губерний промышленность: здесь концентрировалось 30% всех фабрично-заводских предприятий и 36% рабочих Беларуси [8, с.386]. Однако к концу XIX в. поступательное развитие текстильной промышленности Гродненской губернии замедлилось в результате действия опять-таки внешних факторов. Отмена таможенной границы между Царством Польским и внутренними губерниями России увеличила масштабы сбыта продукции польской текстильной промышленности на белорусских землях. К тому же белорусский рынок был заполонён российским текстилем, сбыт которого в Беларуси становился прибыльным вследствие благоприятных железнодорожных тарифов.

В конце XIX века в белорусских губерниях наблюдается бум предпринимательской активности: 61% предприятий Северо-

Ковалёва Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

¹ См. подробнее: Ковалёва Н.Н. Проблемы экономического развития западных регионов Беларуси конца XIX – начала XX вв. в трудах М.В. Довнар-Запольского // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2010. – № 6. Гуманитарные науки.

² Данные об экономическом потенциале белорусских уездов Виленской губернии были проанализированы нами ранее: Ковалёва Н.Н. Основные тенденции экономического развития белорусских уездов Виленской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2008. – № 6: Гуманитарные науки.